И льстился, что тогда министры правосудны,
Увидев истину как кроют все от них,
Содрогнутся в душах чувствительных своих,
Проникнут, поразят, — и зла уже не будет,
И бедный прежния несчастия забудет.
Но что же получил в ответ на это я?
«В ней много личностей, издать ее нельзя!»
Прочти ее, наш Бард, и будь моим судьею:
Хотел ли я вреда общественного ею?
Возможно ль будет нам пороки осуждать,
Коль будут логикой подобной рассуждать:
«Есть люди в подлинном с пороками такими,
Какие описал стихами ты своими.
И так, ты лица их в виду имел своем?»
Но где же личностей в стихах мы не найдем,
Коль в праве будут брать, с порочною душою,
Сатиру на порок в насмешку над собою?
Позволь, любезнейший россиянам певец,
Тебя здесь самого поставить в образец.
Вельможа, Ты сказал, без благости душевной
Есть вид пустой молвы, ком грязи позлащенной;
Тобой описан нам роскошный Сибарит,
Что должности презрев, спокойно дома спит;
Осел всегда осел, осыпан хоть звездами, —
Но мало ль мы таких видали в свете сами?
Иль скажем, что и ты долг чести приступил,
Когда нам их дела в стихах изобразил?
Или на бархатном диване так же лежа,
При тихом ветерке младую деву нежа,
Неужели б кто мог сердиться на Тебя,
Что в оде он Твоей узнать умел себя?
Коль видели таких, кто целый век проказят,
Кто в жмурки резвятся, на голубятню лазят,
Кто забавляются охотой, лаем псов,
Иль греблей на Неве и песнями гребцов,
Кто вафли на пиру шампанским запивают,
Средь вин и аромат весь свет позабывают.
Хоть можем на таких и пальцем указать,
Но можно ль личностью стихи твои назвать?
И чтоб не приводить мне более примеров,
Когда сказал, — полна земля вся кавалеров
И целый свет уж стал, по счастью, бригадир —
Иль должен на тебя вооружиться мир?
Я знаю, были бы напрасны все старанья,
Чтоб мне твои вместить отличны дарованья;
Но если так, как Ты, пленять и не умел,